

Барабанщик Владимир Ермаков вот уже 4 года не играет в группе "Черный Обелиск", сегодня Володя живет обычной жизнью, как и многие граждане нашей необъятной родины, однако мимо даты 50 лет Анатолию Крупнову он просто не мог пройти мимо. Для него период работы с Крупновым - это целая эпоха, и хотя Ермаков не дает интервью, для меня было сделано исключение и, как оказалось, время на наш разговор было потрачено не зря. Вашему вниманию представляется полное интервью с одним из лучших барабанщиков пост - советского пространства.

Первый вопрос. Чем сейчас занимается барабанщик Владимир Ермаков?

смеется

Просто, я у кого ни спрашивал, в том числе и у коллег ваших. Может, они секретничают, но мне сказали, что не знают, но сказали, что музыкой не занимается.

Нет, я не занимаюсь. Живу достаточно обычной жизнью, работаю, работаю...

А где работаете, если не секрет?

Да, их хоть тысячи назови, сути это не меняет. Работа. И ничего в этом необычного нет.

(смеется)

Естественно, не могу не спросить. Потому что вроде бы четыре года прошло, а казалось бы, еще вчера. Вроде я вас видел на сцене, а сегодня я уже понимаю, что вы не занимаетесь музыкой. Вы, кстати, палочки вообще в руки не брали с тех пор?

Нет.

То есть вы даже навыки, можно сказать, уже какие-то потеряли, да?

(смеется) Я даже не проверял. Единственное, что спустя пару лет, как я ушел, записал минутный трек для рекламы. Просто друг старый попросил записать живые барабаны.

И нет желания взять в руки палочки поиграть, не возникало ни разу за эти четыре года ощущения, что погорячились с решением забросить музыку?

Нет. Во-первых, как говорилось в известном фильме, наши желания должны совпадать с возможностями. Для этого нужно время, которого у меня просто нет. Игра это все-таки инструмент, музыка, определенное состояние, антураж. Целая, так сказать, вселенная. Поэтому, если из неё выпадаешь, то достаточно сложно заходить в эту воду очередной раз.

Решение уйти из коллектива и фактически завязать с музыкой назревало у вас не за один, наверное, день, да? Как долго размышляли над этим?

Взвешивал все «за» и «против». Ну, просто здесь много всяких всевозможных факторов совершенно разных. Так сложилось, так нужно было сделать. Развивать эту тему не очень-то хочется, потому что ничего для людей интересующихся творчеством не даст.

Вы видели моё интервью с Юрасовым, читали?

Да. Шикарное интервью. Мне понравилось.

Спасибо. Там, конечно, в этом интервью, наверное, очень многое вас смутило, как мне кажется. Скорее там, где речь идёт о позднем творчестве «Обелиска», я имею в виду пост -

Крупновского. Но, говоря о Толике, некоторые фанаты «Обелиска» просили спросить, как у вас состоялось самое первое знакомство? Поскольку то, что есть в автобиографии, немного расплывчато. Проще говоря, как вообще с Толиком познакомились?

Как это произошло в первый раз?

Да, это был 89-й год, если я не ошибаюсь?

Да. Это была встреча у Миши Светлова, поскольку мы рядом жили. Толян заехал к нему в гости. На тот момент они уже не играли вместе. Миша мне до этого ставил записи концертов, я был в курсе. Захожу, весёлая компания, водка-пиво, все как положено. Ну и соответственно первая фраза: «Водку будешь?» Налил полный гранёный стакан. А у меня незадолго до этого было отравление на этой почве, и я сказал, что я не пью. А он мне: «Везет же тебе...» *(смеется)*

А Толик на тот момент ещё играл в «Шахе», да?

Да. Я вообще фанат этого альбома – «Beware». Совершенно потрясающий альбом, который перевернул мое сознание. И конечно тогда в первую очередь я его знал как басиста «Шах». Я увлекался трэшем и играл его, это мне было актуально и интересно. А тут такая мощнейшая пластинка. До сих пор безгранично люблю этот альбом. Ну и впоследствии он заезжал, были встречи, и он привозил очень интересные вещи. В истории «Шаха» и участия Толика в нём, там был такой проект, где «Шах» вместе с «Нюансом» записали демо-материал в арт-роковом жанре, совершенно чумовой. Сейчас думаю, что вряд ли она у кого-то найдется. Очень здорово! Хотелось бы переслушать.

Ну а впоследствии, и история об этом не умалчивает, и рассказывает о том, как я появился в коллективе. Ушел из очень интересной группы «Stainless».

«Stainless» как это восприняла? Вы пришли и просто сказали «я ухожу», или как это было?

Нет, я долго думал. Для меня это был определенный стресс, потому что друг мой, гитарист Саня Груничев («Шрам»), конечно, напрягся. Какое-то время даже не общались. Сложное решение было.

А вот в плане человеческих качеств вам Толик каким показался? Мне-то понятно по этому эпическому эпизоду, когда он вошел и предложил вам выпить, и вы отказались. Вот что именно вы подумали, когда увидели его. По крайней мере, мне сам Юрасов говорил, он не был похож на такого отвязного металлугу.

(смеется) Он человек настроения был. Конечно же, когда что-то ему было в кайф, то он с визгом вовсю подписывался. Это был такой клубок энергии, который там вовсю катался вокруг да около. То есть, так чтоб не заметить и чтобы не зацепила его энергия это, конечно, нереально. Легко находил общий язык совершенно с любым человеком. Но и мрачным типом он, конечно, был периодически, когда не в духе. Тут уж дискомфортно было и ему, и тем, кто рядом тоже мало не казалось.

А вот в плане музыкальном вы с ним сразу нашли общий язык, то есть никаких не было вообще вопросов, потому что бас и барабаны это ритм секция и понимание было мгновенное, да?

Каким басистом был Толик, мы-то все знаем, ведь он профессионал.

Да, это очень была высокая планка. Я до этого играл достаточно быструю музыку, с совершенно другой подачей материала, а здесь просто нужно было качественно прокачать песню «Полночь», в первую очередь. Ну-ка сыграй, как надо. Тест такой. Короче говоря, экзамен на принятие в коллектив сдал на отлично. Как я понял, предыдущие кандидаты завалились именно на средне-темповых композициях. То есть это было важно. Опять же не будем забывать, что буквально через какое-то время я уже писал альбом «Стена», где был «Touch Too Much» - кавер на «AC\DC». Что думал Толик про взаимопонимание? Ну, ему уж точно по кайфу было.

Вот смотрите, я разговаривал с Юрасовым, и он говорит, что ЧО можно поделить на три этапа. 86-88 это совершенно другая команда по звуку и вот, момент, когда пришли вы с 90 года.

Ну да.

Это уникальный стиль. И, в принципе, чем он многим нравится - это ни на что не похожий звук. Одна сторона - фанковая гитара и вот «тяжелая» гитара Юры Алексева. Толик сказал, что то, что было раньше, мы отбрасываем, и начинаем новую эру. Как вы пришли к этому звуку?

Здесь, понятное дело, наваяло. Это, скорее всего, ноги растут и с той самой интересной демки «Шаха» 90 года в том числе. Так же фанковая гитара шикарно звучала в фанк-треш группе «Murdred». Естественно, мы были знакомы с парой альбомов этого ансамбля. Опять же, как эталонно она звучала в «Duran-Duran». Всё слушалось, все было интересно. Это время, когда находились решения, мысли. Это само собой происходило. И после записи в 91-м «Стены», где был вот как раз первый эксперимент, Вася шикарно отыграл в припеве «We got enough». И я думаю, что «Ещё один день» - это уже такое закономерное развитие темы. Многие были в восторге, хотя не сразу все это приняли. Когда у нас вышел винил, поначалу на Горбушке даже были возвраты от неожиданности.

То есть типа не понравилось, что ли?

Это немножко было необычно. После «Стены» выходит альбом с совершенно другим звуком, с другим подходом к музыке. И вообще, это первый и единственный трезвый альбом Толика. Потому что он в течение этого года просто вообще не пил, то есть никак, зашился.

Сначала была англоязычная версия, и мысль была на запад укатить, я правильно понял?

Да. Это было еще в 91-м году, мы работали в «Biz Enterprises» как штатный коллектив на зарплате. После выхода «Стены» проявился интерес, два трека пошли на сборник «Монстры рока». Была задача записать новый материал сначала на английском языке, для забугорного промоушена, чтобы было доступно для понимания. И естественно, история «Еще одного дня» начинается ровно с этого, с записи англоязычного альбома, куда все вложились по полной программе, и Вася Билошицкий в соавторстве, и мои идеи были тоже, это было зажигательно.

А, правда ли, что вы должны были «греть» Металлику в Тушино?

Да. Был опрос телефонный. Как бы сейчас это смешно ни звучало, но интернета тогда не было, 91-й год был на дворе. Был такой ход со стороны «Biz» сделать опрос, кто достоин представить страну в Тушино, «E.S.T» или «Черный Обелиск».

То есть именно было два коллектива, и другие, как «Мастер» или группа «Ария», не рассматривались, да?

Нет, нет. Потому что «E.S.T» и «Черный Обелиск» были основными группами «Biz Enterprises». Они были организаторами. Ну и я не сомневался, что мы должны играть, потому что жанр и все остальное идеально вписывалось. И по опросу мы тоже победили, я об этом знаю. Но, видимо, менеджмент решил, что больше усилий надо вложить в «E.S.T» по популяризации.

Почему, если две группы под одним крылом?

Но нужно было одну выбрать. Здесь можно только догадываться, чем это мотивировали, может, личные моменты, а может, решили, что это более оправданно. Поэтому выбор был сделан вне зависимости от голосования. Когда мы об этом узнали, ну конечно, у нас была просто истерическая реакция.

У Толика была лично?

Я совершенно точно могу сказать, что ему это не понравилось жутко.

Он любил «Металлику», насколько я знаю.

Да, конечно. И «AC/DC» он любил. То есть для него это была вообще цель и большое желание. А когда всё получилось иначе, я вообще туда не пошёл. Ну, меня тоже рубануло как-бы. Меня потом спрашивали, а чего ты не пошёл? Да диарея у меня, говорил я! *(смеется)*

А Толик пошёл?

А Толик пошёл, да. Он там был.

Ну, с этого момента у вас уже с «Biz Enterprises» отношения как-то пошли не так?

Это, конечно, добавило какой-то нюанс в отношения, поэтому во время работы над пластинкой «Ещё один день» пути-дороги стали расходиться. Толик принял решение уйти в свободное плавание. Сами выпускались на виниле через «Alien Records».

Меня еще один вопрос интересует. Я его с Юрасовым тоже обсуждал и хочу ваше мнение услышать. Отношения в команде. Творчество в группе коллективное, или Толик был диктатором в своём роде? Или всё-таки он спрашивал ваше мнение и советовался. Это был «Чёрный Обелиск» или Анатолий Крупнов и «Чёрный Обелиск», как сейчас пишут некоторые издания?

Нет. Было бы глупо думать, что в коллективе нет взаимного контакта между музыкантами. Понятно, что Толик это лидер, мотор и двигатель. Естественно в каких-то случаях он говорил, что так должно быть на все 100%, и сомнений это не вызывало в большинстве случаев. А когда нужно было поразмыслить сообща, то, естественно, работали вместе. Та же история с созданием «Дом желтого сна, часть I». Остались мы с Васей после репы. И Вася говорит, вот есть такая идея, давай поработаем. Поработали, сделали музыку. И Толик пришёл на следующий день, услышал и сказал, во, «ништяк»!

То есть это именно та первая часть, которая в быстром темпе?

Да, да. Толик поначалу кое-какую идею решил закинуть в песню: «Ну, может быть, я бы там чуть-чуть изменил, где-то вот в этом месте...». Мы с Васей: «Ну нафига это надо?» Ну ладно, всё отлично, всё на своём месте. Нормальная рабочая обстановка. Она была принята, и из неё

получилась классная композиция, ни отнять, ни взять. Также Толик, когда приходил и говорил, вот, есть рифф, тема, есть мысль. Давайте над ней работать.

Я слышал такую версию, не знаю, это правда или нет, что, вроде, вы такие «тру»-металлюги, как описывает Юрасов, и не сразу восприняли самые перемены в музыкальном плане уже гораздо позднее. Так это?

Начнем с того, что каждый из нас любил послушать разную музыку и нельзя сказать, что мы такие прям металлюги «тру» или не «тру». Здесь дело абсолютно не в этом. Были определенные разногласия. Толик начал искать какие-то иные формы самовыражения, двигался в этом направлении. Но вешать на это некие определения?! Например, что Крупнов хотел играть модную востребованную музыку, а остальные были все такие закостенелые металлисты. Это не соответствует истине. То есть Толик хотел играть востребованную музыку – и это правда. То, что каждый из нас заморачивался на своих каких-то тараканах, это тоже всё понятно. Говорить, что, например, я не хотел двигаться вперед, но при этом упоминать о моём увлечении такими коллективами, как «Faith No More», «Rage Against The Machine» и прочими всякими остальными гранжами и фанками? В общем-то, здесь в логику затесался какой-то косяк. То есть я не двигаюсь вперед, я закостенелый, а с другой стороны оказывается, что я в теме современных тенденций.

К этому мы ещё подойдём, в этом и ключевая тема. Но я бы хотел узнать, как у вас Юрасов появился? Я так понял, он не сразу в качестве директора был, а как технический персонал.

Саша? Да, есть такое дело. Он у Миши Светлова занимался на гитаре, там познакомились и подружились. В один момент моей жизни он мне очень помог, до сих пор ему за это благодарен. Совершенно неумной энергии человечине, тоже конечно со своими тараканами, но у кого их нет. Естественно, он по этой теме с нами начал тусить, влился в коллектив. Вникал во всё, что вокруг него было, и стало ясно, что ему всё интересно. И когда у нас встал вопрос о директоре, после некоторого количества экспериментов в этой области, Саша за это взялся. Так получилось, и я думаю, что так и должно было быть. Не скажу, что это сразу решило массу вопросов, но что-то делалось, и какие-то движения происходили.

Прошло три года, я имею ввиду, если брать период 91-94гг. Ключевой момент. Происходит некая метаморфоза с Толиком. Я не могу в это поверить, хоть убейте, что на ровном месте человек может так преобразиться. Даже по образу был патлатый такой, с хвостиком играя на басу, ставил ногу на монитор, и появился вдруг такой бритоголовый в жилеточке, который стал играть с «Неприкасаемыми». Это всё на ваших глазах происходило ведь. Как вам вообще вот это превращение?

Ты знаешь, можно, конечно, массу выводов сделать, как, почему и зачем. Нужно понять, что Толик был достаточно широких музыкальных взглядов человек. Когда мы вкладываем в понятие «тру», это когда приемлемо что-то одно, а остальное отсекается. Он, конечно, не был таким. И я до этого говорил, что ему было интересно что-то разгребать в музыкальном смысле и человеческом. Ему были интересны и музыка, и окружающие его люди. Поэтому в ситуации, когда произошёл упадок «тяжёлого» жанра, он просто ушёл в другой, туда, где было, чем дышать.

Это отговоркой можно назвать?

Да нет. Это не отговорка, это факт. Это случилось. Как бы ты ни держался за какое-то восприятие мира вокруг, как бы ты ни принимал это как нечто незыблемое... А тут рухнуло чуть ли не на раз-два-три.

И вот это сломило?

Там ещё много факторов разных сложилось, да и имиджевых потерь у жанра было очень много.

Стало меньше людей на концерты приходить, стали меньше приглашать или что?

Попытаюсь сейчас спустя много лет это оценить. Люди перестали понимать и воспринимать это как некое культурное звено в их жизни. Стала падать посещаемость, интерес отсутствовал. Хотя Толик для многих так и остался непререкаемым авторитетом на сцене и в жизни, но в целом для тяжёлой музыки наступили тяжкие времена. Наступило вырождение жанра. Ну, это нормальный ход событий. Потом уже приходят новые идеи и новые герои.

Но его тяготило то, что произошел упадок к этому жанру, или он легко мог от этого отказаться?

Могу сказать, что естественно, это бесследно не прошло для него лично, и ему надо было что-то переосмыслить, переоценить. И он пошёл в определенный поиск. Так и должно быть. Человек хочет и делает.

Вам каково было?

Мы думали о том, чем бы заняться. Толик работал с «Неприкасаемыми», «Обелиск» был не удел. Мне было обидно, конечно. В итоге я параллельно подался в группу «EST».

На эту тему как раз Юрасов и рассказывал, что Толик вам предлагал. Он сказал, что я двигаюсь в этом направлении, мы делаем «Крупский и компания», и он не стал распускать состав и других людей искать. Он пытался изначально с вами записать, но получилось ужасно.

Нет. Оно получилось просто в виде демо.

То есть этот материал никуда не пошёл, как сказал Юрасов?

Нет, он отзвучал на радио, когда брали интервью у Толика. Но понятное дело, что если делать сторонний проект, то было бы правильней изначально соответствующе и музыкантов подбирать.

Правильно ли я понимаю из ваших слов, что вы поняли намерения Толика и с ними соглашаетесь, так это было веяние времени, но следовать за ним и этими новыми выводами в музыке вы не захотели, причём все трое.

Ну, да. Так и есть.

А почему не захотели?

Ну, за остальных не могу сказать ребят, а за себя скажу, что мне были интересны современные тяжелые направления на грани стилей качёвых, драйвовых. У нас же с Толиком, в принципе, одинаковые музыкальные предпочтения были. То есть было большое поле для понимания музыки и работы в ней. И при наличии общих интересов, в целом, мы разошлись. У Толика была цель быть востребованным артистом здесь и сейчас.

Разногласия у нас пошли на почве того, что если человек сидит, и у него нет поля для деятельности, а у другого есть поле для деятельности, а они в одной упряжке, то, как ты думаешь, есть почва для конфликтов? Ведь мы же все зависим друг от друга. То есть мы попали в тупик.

Я тот же самый задавал и Юрасову вопрос. Что, мол, так и так, ребята сидели без работы, их можно понять, а Толик концертировал активно. На что мне Александр ответил, что Толик им предлагал записать «Крупский и компания». Этот проект никуда не пошёл, потому что они были музыканты узкого жанра и могли работать только в сфере тяжёлой музыки.

Ну, это просто кардинально другой проект и понятно, что у него должны быть свои исполнители. Попытка привлечь нас к своему материалу, может, и нужна была в качестве пробного выстрела, чтобы понять, что получится в итоге. Естественно, пришло понимание, что это получается не очень...

Толик потом записал шикарную пластинку, и по качеству материала, и по качеству исполнения, всё сошлось. В данном случае эксперимент с нами, конечно, был неудачным.

Толик понял, что он больше не хочет играть тяжёлую музыку в том виде, в каком она была раньше.

Это по-любому, конечно же, нужно воспринимать как сольный проект, надо было сразу оговаривать и, может быть, не вписывать нас в этот проект.

И команду удалось бы сохранить, не так ли?

Может быть и да. Но единственный плюс я, например, вижу в истории этой записи, это то, что я предложил идею, и мы втроём за неё схватились, там же записать в хорошем качестве песни 86-88 гг. У нас появилась возможность сделать это на этой же студии. Я лично вложил в это дело массу энергии. Толик согласился. Считаю, что не зря старались, он остался в копилке, так сказать, в антологии, в истории. И за него не стыдно, он шикарен.

На ваш взгляд, правда ли, что альбомы «Стена» 1994 года и «Я остаюсь» по качеству звука не понравились Толику?

Ну, да. Вокруг каждого альбома есть масса всевозможных всяких событий. Начали мы конечно на SNC студии писать альбом «Я остаюсь», потом пошли всякие загоны, а давайте еще что-нибудь запишем. Собирались один, а так выпустим два. Ну, сделали две пластинки, потому что для нас это было лучше с финансовой точки зрения. Потом, в какой-то момент, уже объём работы такой накопился, что все стухли и устали. Толик уехал отвлечься от всей этой рутинной работы, то есть на момент сведения его не было. Тянуть резину дальше уже было нельзя, нужно было завершать работу, сдавать в производство. Под конец мы ещё и лоханулись на выходе. Скинули все песни с мастерленты на только появившийся на студии новомодный минидиск рекордер. Загубили всю живость треков, цифровая пластмасса получилась, одним словом.

Хотя получилось так, как получилось. И ничего плохого в этом нет, потому что мне понравилось всё. Я как слушатель не могу придаться, где там бас тише, где громче.

Получилось жестковато. Писались на плёнке, на шикарной студии. Должен был быть на выходе воздух, теплота, другие балансы. Увы.

Ну, и Толик пришел, послушал. Он был зол или что?

Понятное дело, что уже изменить что-то не было ни времени, ни средств, ни возможностей.

Сами себе хуже ведь не будете делать?

Естественно. Мы делали это, потому что были сроки сдачи. Толик был вынужден принять результат тот, который получился. Уезжая на отдых, он должен был понимать, что переиграть уже потом будет нельзя. Вот это вот стечение обстоятельств. Так получилось, такие два альбома вышли с таким звуком. Да, естественно, он сказал, что ему не понравился микс. Он видел это иначе, но что бы это изменило? Ничего. Вот сейчас, если бы представилась такая возможность.

Так сейчас и может представиться такая возможность, ведь делают ремастеринг.

Если будет возможно сделать пересведение, то это было бы, конечно, интересно.

Собственно, к тому моменту я уже подвожу немного. 95-й год. Все трое, вроде бы, уходят. Я так понимаю, возможно, вы и не захотите говорить о деталях вашего ухода, потому что не всё так хорошо получилось.

Все были молоды и горячи. *(смеется)*

Можно так сказать, да? А вот последняя встреча ваша с Толиком какая была, он пришёл и что сказал, всё, ребят, до свидания? Как вообще проходил этот ритуал?

Это ведь было даже невозможно, когда начинаются просто психозы со всех сторон. Что бы дала эта встреча? Ничего бы не дала. Просто ушли и всё.

То есть ничего не сказали, не позвонили, ничего?

Просто друг на друга обиделись. Понятное дело. Бывает такое, ссорятся люди. Тем более люди, которые столько лет проработали вместе.

Но вы со своей стороны сейчас можете сказать, что тогда вы поступили в какой-то момент неправильно, сделали бы что-то по-другому. Какую-то вину вот в этом разрыве вы свою чувствуете?

Конечно. Но, понимаешь, я же сейчас это рассказываю с такой точки зрения, когда настаёт время, когда нужно отстраниться и посмотреть на всё со стороны. И я с этой точки зрения делаю определенные выводы. Но есть сила обстоятельств, есть некие движения судьбы, которые так складываются. А тем более, когда команда молодых и бешеных с выпученными глазами либо вместе мощнейшее рубит, либо вместе мощнейше «срётся», разбегаются.

96-97 гг. Вы не поддерживали отношений с Толиком уже после того, как ушли?

В общем-то, не было особой возможности и желания. Потому что когда с человеком тебя связывают очень глубокие отношения, которые основываются, в первую очередь, на взаимном уважении, доверии и так далее, и происходит по каким-то причинам разрыв, то это, конечно, всё по больному происходит. То есть невозможно и сразу адекватно это оценить. Впоследствии, конечно, понимаешь, что можно было бы так не зарубаться, с поворота.

То бишь не общались, да?

Я-то - нет. А Митяй Борисенков отыграл ещё 1 декабря концерт. Я там был. Первый раз увидел «Обелиск» со стороны.

Вы пошли на концерт?

Я там с «E.S.T.» играл.

И вы за кулисами, наверное, с Толиком-то пересеклись?

«Обелиск» играл позже. Я вышел в зал посмотреть. Митяй, Косорунин и Толик. Я так подумал: ни фига ж себе! Со стороны послушал, это вообще непередаваемые ощущения.

Толик вас видел в этот момент?

Нет, я в толпе стоял.

Спрошу о последнем составе «Обелиска». Вы его принимаете как за состав. Который просуществовал с 95-97 гг.?

Ну, чёрт возьми, к чему эти вопросы. *(вздыхает)*

Потому что Митя Борисенков говорит, что в 95-м году всё закончилось. Но были ещё два года, где он играл с двумя другими ребятами.

Я, пожалуй, даже и не знаю, что сказать. Ну, если Толик говорил, что он считал это «Чёрным Обелиском», ну и пожалуйста. Какие проблемы. Шикарные ребята. Митрофанов, также его нет с нами, Варшавчик. Опять же, почему мы можем себе позволить такое сказать, что в 95-м году всё закончилось, потому что для нас это своя история. Это наша жизнь, как пласт какой-то определённый, в который было много всего вложено, эмоций, времени. Поэтому, понятное дело, когда стало что-то иначе, естественно, мы не сможем это воспринять адекватно. А дальше это уже вопрос людей оценивающих, кто интересуется историей группы и тем, что с ней происходило.

Понял вас. Как вы узнали о трагедии, и что было первое для вас?

Да, ужас...

Что за день вообще это был, помните этот день?

Конечно, помню. 27 февраля. Мне Маша Крупнова позвонила. Мы с ней дружим и всегда дружили. Позвонила и сказала совершенно жуткую весть. Ну, шок, что я могу сказать. Тут уже всё переворачивает. Потом начинаешь с этим как-то справляться и спустя какое-то время начинаешь понимать, что, вроде, как бы ты его чувствуешь неушедшим.

А было какое-то ощущение недосказанности?

Конечно.

Это, наверное, то самое чувство, которое гнетет человека, когда уходят близкие люди.

Недосказанность и сейчас есть. Можно даже не сомневаться, что и у других есть, с кем работал, дружил, ссорился, мирился.

Толику сегодня - 50. Почему я всё это и затеял. Вы его представляете сейчас, в 50 лет, думали об этом?

Толика в 50 лет? Ха-ха.

Не то, чтобы даже внешне.

Нет, я его представляю и думаю, что он вряд ли, как бы, изменился. Может быть, он был бы где-то как-то сдержаннее в чем-то... Хотя нет, иначе как-то представить его невозможно.

Не знаю, вы верующий человек или нет.

Верующий.

Мы все там окажемся и, если у вас будет возможность встретиться с Толиком, что бы вы сказали?

(смеется) Здравова, Толян! Потом с чего-нибудь поржать. С ним же прикольно было похохмить, повеселиться. Помню даже анекдоты его нелепые.

На кладбище часто ходите?

По возможности. Если ничего не препятствует, то конечно. Обязательно. Что же ты меня на тяжеляк всё пробиваешь?!

А мне нужна эмоция, мне нужно понять ваш градус отношения с Толиком. В принципе вы все сказали, у меня даже вопросов нет. Если у вас есть какая-то недосказанность, что бы вы хотели сказать, или то, о чём я вас не спросил. Есть что-то?

Прости меня, Толик, за то, что я тебе палец травмировал перед концертом в Воркуте, когда мы с тобой в гримёрке боролись и дурачились. Представляю, как тебе потом игралось тяжело, но тем не менее отыграли мы как всегда мощно!

Последний вопрос. Про футбол.

Толик совершенно не чужд был к этому виду спорта. Они с нашим маленьким злобным волосатым электриком Колей Морозовым входили в состав то ли «Biz Enterprises», то ли какие-то там «Звёзды». Это был 93 г., ходили, играли в каком-то составе артистов.

На какой позиции Толик играл?

Нападающий, наверное, как же ещё.